

Оглавление

Вступление	5
Глава I. МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В МИФОЛОГИИ	14
1. Особенности мифологического мышления	14
2. Мифологические модели мира	42
2.1. Начальный этап космогонии	42
2.2. Зооморфная модель мира	47
2.3. Антропоморфная модель мира	74
3. Семиотические оппозиции в моделировании мира	99
3.1. «Свой — Чужой»	112
3.2. «Суша — Море»	121
3.3. «Земля — Небо»	134
3.4. «Свет — Тьма»	154
3.5. «День — Ночь»	173
3.6. «Белый — Черный»	186
3.7. «Огонь — Вода»	196
3.8. «Солнце — Луна»	209
3.9. «Юг — Север»	238
3.10. «Восток — Запад»	249
3.11. «Правый — Левый»	256
3.12. «Лето — Зима»	266
3.13. «Жизнь — Смерть»	288
3.14. «“Этот” мир — “Иной” мир»	311

Глава II. КАТЕГОРИЗАЦИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ	
МИРА	362
1. Грамматическая категоризация	370
1.1. Категория одушевленности / неодушевленности	372
1.2. Категория рода	410
1.3. Числовое и геометрическое строение мира.	
Категория числа	464
2. Фонетическая категоризация	532
3. Некоторые особенности семантической категоризации	
пространства	561
Лингвокультурологическое приложение	594
Литература	602

Ученый, занимающийся анализом мифического мира и не обладающий способностью переноситься в эту фантастическую атмосферу, может прийти к столь печальному непониманию глубины и значения этого мира, что примет его за простую бессмысленную выдумку.

Э.Б. Тайлор

Надо вообразить, что мир, в котором мы живем и существуют все вещи, есть мир мифический и что вообще на свете только и существуют мифы. Такая позиция вскроет существо мифа как мифа.

А.Ф. Лосев

Кто такой или что такое человек? В чем заключается его предназначение, цель его появления и существования в мире? Эти вопросы всегда волновали человечество, но в разные эпохи ответы на них менялись. В современную эпоху человека называют *метасуществом*. Человек призван и способен описывать физический и биологический мир, а также самого себя, свой внутренний мир. Как отмечал Вяч.Вс. Иванов, человек необходим Вселенной как ее наблюдатель, «познаватель». Изучая и описывая мир, человек создает информационное поле Земли, его ноосферу, управляя тем самым процессом эволюции Вселенной.

На протяжении многих веков исследования мира и развития науки человек больше описывал окружающий мир, но сам для себя оставался непознанным. Исследованием психологии человека, процессов его мышления и особенностей формирования речи ученые стали активно заниматься в середине XIX — начале XX в. Во второй половине XX в. были особо выделены «когнитивные науки», занимающиеся изучением процессов познания человеком окружающего мира и самого человека. В центре исследований оказался человек — творец и носитель культуры и языка, создатель научных и национально-культурных картин мира. Сформировались лингвистические направления, в которых язык рассматривается как *культурный код нации*, а это

значит, что в каждом языке зашифрован сформированный мышлением человека образ мира, его интерпретация, которую необходимо декодировать и осознать.

Современный человек воспринимает мир не в виде хаотичных образов. Вся информация, которая поступает к нему из внешнего мира, воздействуя на органы чувств, многократно просеивается в периферийных органах восприятия, обрабатывается в различных отделах коры и других участках головного мозга, закрепляется в гиппокампе или уходит в подсознание. На протяжении тысячелетий мы пользуемся этой информацией посредством сформированной этносом и всем человечеством *картины мира* (КМ), которая структурирует получаемую человеком информацию, отбрасывает все второстепенное и фиксирует внимание на значимой, ценностной для этноса информации.

Познание мира человеком не свободно от искажений и заблуждений, поэтому его концептуальная картина постоянно меняется, корректируется в зависимости от новых знаний, от смены окружающих условий существования человека. Созданный образ, или картина мира, как свидетельствует наука, не является объективной копией материального мира в силу функциональной ограниченности органов восприятия человека, специфики его мышления и особенностей хозяйственной деятельности этноса, однако этот ментальный мир человека помогает ему ориентироваться в реальном мире, выживать в нем, осваивать его, и при этом человек верит, что отображенный в его сознании окружающий мир является именно таким, каким он видит его посредством своей этнической картины мира. Чужие картины мира считаются им ошибочными, искажающими реальность.

Образ мира, зафиксированный в языковой форме и содержащий как объективные данные, так и субъективные представления человека, лингвисты называют *языковой картиной мира* (ЯКМ). Основа языковой картины мира этноса сформировалась много тысячелетий назад, но современная языковая картина мира хранит следы *архаических* представлений человека о мире, следы его когнитивных открытий и ошибок, поэтому мы не

всегда можем увидеть и расшифровать заложенную в языке информацию, не всегда можем объяснить, *почему мы так говорим*. Вероятно, читатели мифов смогут объяснить, почему мы говорим «ты живешь **на краю земли**», хотя наука свидетельствует, что земля шарообразная и у нее нет края. Однако часто мы просто не замечаем в языке нарушения логики при отображении реальности, не замечаем искажения в нашей речи объективной информации, свойственной научной картине мира. Например, мы говорим: «он занимается дайвингом, любит плавать **под водой**» (почему не **в воде?**), «не лежи **на солнце**, обгоришь» (почему не **под солнцем?**), «солнце **село, зашло, закатилось, опустилось**» (почему одно явление мы обозначаем разными глаголами, причем не соответствующими научным данным?).

Как объяснить иностранцам, почему в русском языке можно сказать «танцевать **под дождем**», но нельзя сказать «танцевать **под снегом**»? (Известный голливудский мюзикл «Поющие **под дождем**» в России часто называют «Танцы **под дождем**», а по-английски его название звучит как «Singin' **in the Rain**», т.е. «**в дожде**», который в Англии идет практически постоянно). Объективно снег так же, как дождь, идет сверху, из облаков, но воспринимается нами уже как *покров*, под которым можно только *лежать*, под которым *лежит* зимой земля. Почему в русской ЯКМ принято говорить «тарелки *стоят* на столе», а «яблоко *лежит*»; почему «в больнице *лежат*», а «в тюрьме *сидят*»; почему корабль «*стоит* на рейде», но «*сидит* на мели»; почему «автобус *идет*», а «машина *едет*»? Все эти примеры отражают особенности этнической ЯКМ русских и связаны с процессами освоения человеком пространства.

Мы недоумеваем, читая в прологе к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» фразу «*русалка на ветвях сидит*» (как может девушка с рыбьим хвостом, а так ее рисуют художники-иллюстраторы, забраться на дерево и зачем?), забывая о том, что русские русалки — это девушки-утопленницы (на двух ногах), которые в «русалью» неделю выходили на берег и любили раскачиваться на ветвях деревьев [Власова 1998: 450]. Для этого

им специально связывали ветви соседних деревьев или просто ставили качели. Раскачиваясь на ветвях или катаясь по траве, они оставляли на растениях следы влаги, которую мы называем *росой*. У наших русалок, по народному поверью, пальцы на ногах соединены перепонкою, как у гуся (*это люди понимали по следам на песке*).

Болгарский этнограф Д. Маринов, однако, писал, что русалки — это очень красивые девушки с длинными косами и *крыльями*, которые живут на краю света, а к нам приходят лишь однажды в году весной и в нужное время орошают дождем хлебородные нивы. Все это происходит в июне, который называется «русальским месяцем» [Маринов 1914: 191, 476]. А еще раньше славяне называли русалками *райских птиц с женской головой*, которые по весне слетались в земной лес, где любили сидеть на деревьях и петь песни, поэтому их называли также *сиринами*, как и древнегреческих *сирен* [Бычков 2001: 252; Берегова 2007: 386]. В народных преданиях образ русалки все время трансформировался: русалку смешивали с различными духами природы, ее образ часто приобретал негативную коннотацию [Власова 1998: 448]. Полудевы-полурыбы у славян назывались иначе — *берегини, фараонки*. Позже все эти образы переплелись между собой, родив хорошо знакомый нашим современникам мифический образ *девы-рыбы* под именем *русалка*. Вот так причудливо образ *девы-птицы*, приносящей с небес влагу для земных растений, *девы-утопленницы*, обитающей в водоеме и зазывающей туда заблудившихся юношей, трансформировался в русской культуре в образ *девы-рыбы*. Русалка превратилась в ‘обитательницу воды, русла реки’ [Костомаров 1995: 27; Берегова 2007: 392]. Корень слова *русалка* связан с санскритским *rasa* (‘влага, жидкость, вода’), он отмечается в кельтском, где *rus, ros* означает ‘озеро, пруд, вода’, отразился в названиях славянских рек *Руса, Россь, Рось, Русиловка* и в слове *русло*, обозначающем середину реки.

Нам непонятно, зачем *кота-баюна (говоруна)* посадили на цепь, по которой он ходит вокруг дуба: *«И днем и ночью кот*

ученый все ходит по цепи кругом». Кот из-за сверкающих в темноте глаз, напоминающих молнии, считался животным верховного бога-громовержца, как и высокий дуб, в который часто ударяли молнии; в Германии этого мифического кота называли *donnerkatze* ‘кошка грома’. Золотая цепь, протянутая вокруг ствола дуба — Мирового древа, символизировала в древних культурах индоевропейцев материализованный образ Вселенского закона *poma* (и.-е. *rta*, лат *rita* от глагола *r̥-/ar* — ‘двигаться’). *Poma* — это постоянное циклическое движение, осуществляющее порядок во Вселенной. В соответствии с этим законом восходит и заходит солнце, а регулярные *ритуалы*, сохраняемые и воспроизводимые обществом, поддерживают порядок Космоса, не давая ему ввергнуться в Хаос в конце очередного временного цикла.

Давая клятву или заключая мирный договор *по роте*, славяне ходили вокруг некоей вертикали, символизировавшей ось земли, и воспроизводили космическое циклическое движение. Нарушать такую клятву, как истину, было категорически запрещено. Они ходили вокруг столба, *священного дерева*, воткнутого в землю меча. Ученый кот ходит вокруг дуба по золотой цепи, символизировавшей этот закон, при этом все, что говорит *ученый кот*, двигаясь в *правую* сторону, по движению солнца, является истинным, правдивым [Серяков 2005: 110]. А вот движение в *левую* сторону считалось лживым, связанным с фантастической информацией, отраженной в *сказках*. «Сказка — складка, песня — быль», — говорит русская пословица. Сказки кота-баюна в русских народных преданиях наделены, как писал А.Н. Афанасьев, магической силой, насмерть поражающей врагов.

Сколько споров было вокруг фразы из «Евгения Онегина» — «Он уважать себя заставил»! В прямом или переносном, фразеологическом значении (‘*дядя умер*’) использовал А.С. Пушкин этот оборот? Обычно начало первой главы романа воспринимается современными читателями в прямом значении, и мы сочувствуем молодому герою, которому предстоит тяжелые дни ухода

за больным стариком. Однако последующие в романе события (единственный его племянник Евгений *«его нашел уж на столе, как дань готовую земле»*, за дядей никто из родственников не ухаживал) свидетельствуют об *идеоматичности* данной фразы, представляющей архаичный ныне фразеологизм *заставить себя уважать* со значением ‘умереть’. Как комментирует герой данную ситуацию, *«его пример другим наука»*, что означает ‘заболел, умирай, как мой дядя, а не заставляй страдать близких’. Культурные традиции славян, о которых писал чешский исследователь Любор Нидерле, поддерживают идеоматичную трактовку фразы *«он уважать себя заставил»*: «При выносе тела и в течение всего пути до кладбища родственники *проводжали умершего хвалебными речами*» [Нидерле 2010: 293]. И сейчас мы останавливаем речь недоброжелателей умершего человека словами: *«о покойном или хорошо, или ничего»* (полный вариант этой фразы культурологи приписывают политику и поэту Хилону из Спарты: *«о мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды»*).

Трудно декодировать художественный текст, если использованный в нем фразеологизм представляет собой русифицированный вариант иноязычного фразеологизма, как это случилось с французским фразеологизмом *«забросить свой чепчик за мельницу»* (‘отбросить моральные устои и крутить романы’). Русифицированный вариант фразеологизма, использованный А.С. Грибоедовым в поэме «Горе от ума» (*«Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали»*) и А.С. Пушкиным в повести «Метель» (*«Восторг их был упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура! И в воздух чепчики бросали. Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?»*), был легко узнаваем современниками, которые прекрасно владели французским языком и увлекались французскими романами. В восприятии же нынешних читателей фразеологизм утратил свое идеоматичное значение, поэтому в фильмах об Отечественной войне 1812 г. женщин часто изображают подбрасывающими

свои чепчики, чего не могло быть в тогдашней действительности. Только мужчины, приветствуя героев, могли подбрасывать свои головные уборы. А вот романы с гусарами дамы «крутили» часто.

Социологизированный взгляд Н.А. Некрасова на русскую действительность заставил нас трагично смотреть на оставшуюся в поле «из-за болезни крестьянина» *несжатую полосу* жита («Несжатая полоса»). Но в древности считалось, что в житном поле живет *дух хлеба*. Когда зерно убирали, то дух хлеба перемещался к краю поля и оказывался в последней полосе хлеба. Если ее сжать, то дух хлеба мог уйти с данной земли и отомстить людям. Во время жатвы, как пишет Дж. Фрэнгер, люди боролись за то, чтобы не оказаться *последними*: все боялись «голода в доме» в виде воображаемой Старухи, которую нужно будет кормить до следующей жатвы. Поэтому, когда обработкой земли занималась вся община, были случаи, что последняя полоска оставалась несжатой, так как никто не хотел за нее браться, ее специально оставляли *стоять в поле* [Фрэнгер 2001, т. 1: 164; т. 2: 37]. А если в какой-нибудь семье, как писал Д.К. Зеленин, кормилец долго и тяжело болел и поэтому не мог вовремя убрать сено или зерно, семья обращалась за помощью к общине участвовать в «толоке» (*толо́ка*, или *по́мочи*, — это коллективная работа в благотворительных целях). «Обычай требует не отказывать в этих случаях нуждающимся в помощи, хотя за такую работу не последует ни платы, ни угощения, а только благодарность со стороны тех, кому помогли, и сознание, что, оказавшись в беде, каждый может, в свою очередь, рассчитывать на такую же поддержку» [Зеленин 1991: 362].

Мы неадекватно представляем себе роль песни бурлаков, которую Н.А. Некрасов сравнивал с воем или стоном («*Этот стон у нас песней зовется — То бурла́ки идут бечевою*»). Зачем же бурлаки пели песню, если им было так тяжело тащить баржу? А песня была необходима бурлакам, чтобы по количеству спетого определять пройденное ими расстояние. В русском фольклоре сохранилась непонятная современному читателю по-

говорка, иллюстрирующая данный лингвокультурологический феномен: «*Песня — от Нижнего до Москвы*».

Мы не всегда можем объяснить себе, детям или иностранным учащимся свой невербальный язык, так как символика многих действий уходит корнями в древнюю эпоху и отражает мифологическую картину мира. Зачем, например, рыбаки плюют на наживку? *Они жертвуют часть своей слюны, обладающей, как считалось ранее, магической силой, подводному богу, чтобы он, в свою очередь, пожертвовал им часть своей рыбы. С подобной же целью — заручиться поддержкой высших сил, приступая к ответственной работе, — многие стремятся слегка поплевать на ладони и потереть их. Этот жест свойствен в основном мужчинам, так как, по преданиям, именно от слюны происходит мужская сила, слюна делает ладони крепкими. Слюне дана власть прогонять нечистых духов, всякую хворь. Вспомним, как, поранив руку или просто палец, мы смачиваем ранку слюной. Плевок — это наше символическое **приношение** богам и оружие против нечистой силы, которое современниками и иностранными студентами воспринимается крайне негативно, как грубое нарушение этикета.*

Почему мы «обмываем» новые вещи? *Мы снимаем с них следы «иногo» мира, откуда они появились, и тем самым **обезвреживаем** их, делаем безопасными и благоприятными для нового хозяина, которому они будут служить. Почему на двери дома раньше вешали колокольчик? Звон колокола отгоняет злых духов.*

Данные выше примеры отражают фрагменты русской национально-культурной и языковой картины мира, которые мы воспринимаем неосознанно, автоматически, не декодируя их, не вскрывая их истоки и причины. Однако, если мы хотим воспринимать текст адекватно, опираясь на картину мира наших предков, если хотим понять особенности КМ, мы должны поставить себя на место древнего человека с его «наивным», но сложным мифологическим мышлением. Описав ранние этапы познания человеком мира, мы сможем вскрыть истоки и специфику се-

мантической и грамматической категоризации в ЯКМ наших предков.

«Изучающие язык, — писал Р.О. Якобсон, — часто приходят в замешательство от элементарных вопросов, например: какое значение имеет в действительности множественное число, или прошедшее время, или неодушевленный род в словесном коде, и имеют ли эти категории вообще какое-нибудь значение?» [Якобсон 1996: 192]. Действительно, закодированная в ЯКМ информация, как отмечает П. Кюглер, часто приобретает человеком *неосознанно*, ее трудно объяснить, так как, по К.Г. Юнгу, она входит в *коллективное бессознательное*. Она поступает к ребенку в процессе обретения им речи, в период его вхождения в языковую картину мира родного этноса.

Язык для ребенка — это не просто система обозначений, язык создает в уме ребенка новую, *вербальную* реальность, которая накладывается на объективную, чувственную эмпирическую реальность, приобретаемую ребенком в процессе познания мира. «Важность вступления младенца в коллективно зафиксированную лингвистическую матрицу заключается в том, что он получает доступ в систему символического представительства, организованную еще до появления любого индивидуального эго... Младенец приобретает способность говорить с миром через систему коллективно созданных символов» [Кюглер 2005: 27]. Обучая ребенка языку, мы включаем его в систему символов родного языка и национального менталитета, систему, не совсем понятную и самим учителям.

Глава 1. МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В МИФОЛОГИИ

1. ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Восприятие мира древними людьми значительно отличается от мировосприятия современного человека, мышление которого обусловлено *асимметричной деятельностью* полушарий коры головного мозга, структурой его нейрофизиологии. Животное, как пишет Э.А. Костандов, рождается с *симметричными* полушариями, но в процессе онтогенетического развития случайные явления окружающего мира, действующие неоднозначно на левое и правое полушария, могут приводить к *временной функциональной* асимметрии, при которой полушария различаются по способу корковой обработки поступающей в мозг внешней информации, по характеру видения окружающего мира [Костандов 2004: 65, 68]. Возникающая *временно* у предков человека функциональная асимметрия со временем переходила в *органическую*, формировавшую структуру мозга с обособленными отделами речи, зрительного и слухового восприятия, центрами обоняния и тактильных ощущений, с дифференциацией *функций* правого и левого полушарий коры головного мозга. Активно развивающиеся в последние десятилетия нейрофизиологические исследования установили *сложное взаимодействие* различных участков мозга при обработке поступающей из внешнего мира информации, при формировании нейронной сети и становлении мышления современного человека.

Активизация деятельности мозга архаического человека в процессах познания мира, повлиявшая и на физиологическую эволюцию человека, выдвинула на первый план изменившуюся

деятельность **левого полушария**, которое постепенно становилось **доминантным**, которому приписывают формирование аналитического мышления, членораздельной речи, классификацию явлений действительности и становление сознания человека. В современном левополушарном мышлении переплетаются специальные научные и национально-культурные картины мира, проявляются как этнические разновидности ментального восприятия мира, так и общечеловеческие, универсальные законы познания.

Однако зафиксированная в мифах **архаическая** картина мира опирается на древнее, так называемое **правополушарное** мышление, свойственное в прошлом обоим «симметричным» полушариям. **Правополушарное мышление** человека считают *целостным, образным, холическим*, или *холистическим* (греч. *holos* ‘целый’, ‘весь’). С его помощью человек воспринимает мир или некоторые его фрагменты как некий неясный целостный образ, отпечаток, как гештальт. Например, художник, пишущий лес, не будет изображать каждый листочек, каждую веточку, он просто покроет холст единой, трудно дифференцируемой цветовой гаммой, но зритель при этом будет понимать, что это лес, состоящий из множества компонентов. Л.С. Выготский пишет: «Если мы возьмем самые примитивные формы человеческого мышления так, как они проявляются в сновидении, то увидим там этот древний примитивный механизм **комплексного мышления**, наглядного слияния, сгущения и передвижения образов» [Выготский 2004: 826].

Правополушарное мышление свойственно и современному человеку, но наиболее ярко оно проявляется при восприятии мира творческими личностями и детьми в так называемый *образный* период их развития (до 7—8 лет). «Восприятие ребенка раннего возраста не строится как восприятие отдельных предметов, оно полно недифференцированных связей. Исследования Пиаже показали, что восприятие детей раннего возраста **синкретично**, т.е. глобально связанные между собой группы предметов не выделены и воспринимаются в едином целом» [Вы-

готский 2004: 578]. Однако в современном *научном* осознании мира такое восприятие отошло на второй план, хотя оба полушария продолжают взаимодействовать в процессах познания мира. Правое полушарие, как и левое, участвует в речевых процессах, но по-своему: воспринимает эмоциональную интонацию, различает мужской и женский голоса, оно может «слышать» слово как *целостный* звуковой комплекс, не разделяя его на более мелкие единицы.

В мифах же *правополушарное, образное* мышление преобладает, оно соответствует первичному периоду познания, объяснения и моделирования мира. Чтобы адекватно воспринимать содержательную структуру мифа, адаптивно передаваемую в сказках, заговорах, народных афоризмах и невербальных действиях человека, чтобы декодировать знаковый характер его компонентов, необходимо понимать специфику мифологического восприятия мира. В.Я. Пропп писал: «Как миф, так и образ есть продукт некоторого мышления. Объяснить и определить эти формы мышления бывает иногда очень трудно. Однако фольклористу необходимо не только учитывать его, но и уяснить себе, какие представления лежат в основе некоторых мотивов» [Пропп 1986: 126]. Рассмотрим особенности мифологического, правополушарного мышления.

1. Мифологическое мышление возникло как ответная *реакция человека на воздействие окружающего мира*. Человек с ранних времен должен был реагировать на окружающие природные явления и реагировать *целесообразно*, иначе он и его вид могли погибнуть. «Мышление древнего человека, — как отмечает И.М. Дьяконов, — не есть пассивное осмысление феноменов мира как движимых причинно-следственными связями, воображаемыми как волевое действие божества. Действие воображаемого божества есть *импульс, предполагающий реакцию*» [Дьяконов 2004: 108]. Неправильная реакция на происходившие природные явления грозила необратимыми последствиями, поэтому жизнь архаического человека была чрезвычайно

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru